

В европейских центрах эмиграции русские задавались экзистенциальным вопросом о том, кто они. В Каунасе же жизнь была провинциальной, и память о родине жила скорее в сердцах эмигрантов, тогда как ум задавал другие вопросы: как жить, как выжить, как учить детей? Забота о просвещении и образовании занимала русских Каунаса в самой большой мере.

А. Ковтун

*Асия Ковтун
(Каунас, Литва)*

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ РУССКИХ В ЛИТВЕ

История русских Литвы в годы между двумя мировыми войнами в XX веке относится к темам, которые можно назвать «забытым» или «потерянным» сюжетом. Это не самый противоречивый или сложный фрагмент истории независимого литовского государства. В 1918 году с формирования новой демократической политической системы Литвы начинается новый период в жизни местных русских. Ряд современных проблем национальных меньшинств стран Балтии может быть рассмотрен в контексте деятельности культурных и политических общностей в этих государствах в годы восстановления независимости. Данная статья является попыткой систематизировать факты истории русской общины в независимой Литве 1918–1940 годов.

В межвоенное время территория Литвы — это бывшая Каунасская губерния, большая часть Сувалкской губернии, часть Вильнюсской губернии, Клайпедский край, который был присоединен в 1923 году. Каунас становится временной столицей независимого государства в 1920 году. В это время он был полупустым губернским гарнизонным городом. Однако укрепление литовского национального движения и культурных интересов рождает необходимость уделить городу все больше внимания. И принятие независимости, и политическая обстановка изменили положение русского населения в молодой Литовской Республике: оно стало национальным меньшинством.

После Первой мировой войны русская общественная жизнь в Литве на некоторое время почти прекратилась. Образованные русские граждане Литвы включались в культурное строительство молодого независимого государства медленно, сохраняя свои исконные корни. Причины были разными. Одна из них — принятые в Литовской Республике законы о гражданстве и меньшинствах. Как известно, именно в этой области политика государства являет свои доминирующие акценты в отношениях личности и общества. Согласно Закону о гражданстве, все жители Литвы, постоянно проживавшие на ее территории до 1914 года (лишь с некоторыми исключениями), получали право на гражданство. Либеральным законом воспользовались многие старожилы страны. Двенадцатого мая 1922 года была заявлена Декларация правительства Литовской Республики Совету Лиги Наций о равноправии всех граждан Литвы. Пункт четвертый гласил: «Все граждане Литвы будут равны перед законом и будут пользоваться равными правами без различия расы, языка или религии. Все граждане Литвы вне зависимости от религии, веры или конфессии будут пользоваться гражданскими и политическими правами, а именно: смогут занимать государственные должности, поступать на службу, получать почести и заниматься различными профессиями или промыслами. Несмотря на постановление литовского правительства о государственном языке, иноязычные граждане Литвы получают соответственные льготы в связи с правом пользоваться родным языком устно» [5, с. 46—47].

Декларация правительства имела важное значение для всех меньшинственных общин. Городской быт — свободное общение на нескольких языках — давал людям всех национальностей возможность быть активными во всех областях общественной жизни. На главной улице города Лайсвес аллее, в кафе, магазинах, банках, учреждениях звучала и литовская, и русская речь, и языки других национальных меньшинств. Парадоксальной была и языковая ситуация в избранном в 1918 году Каунасском городском совете, где некоторое время заседания проходили на русском языке. Однако уже в начале 1920-х годов происходит естественный процесс ассимиляции русской культуры Каунаса. Эмиграция, которая появилась в Литве в результате событий гражданской войны и революции в России, медленно включалась в общественную и культурную жизнь местного русского населения. В городах многочисленная русская интеллигенция в меру возможностей участвовала в государственном строительстве, уделяя русским соотечественникам меньше сил.

В первые годы независимости Литвы (по переписи 1923 года) население Каунаса составляло более 92 тыс. человек. По данным 1942 года

русских в городе было 3,3% [6, с. 1–2]. Каунас не был центром русской культуры межвоенного времени подобно Парижу, Берлину, Праге или Риге, однако и здесь в сложных условиях сохранялась русская общественная жизнь. Русское население независимой Литвы, в значительной степени лишенное интеллигенции, оказалось бедным и отсталым. Оно состояло из русских старожилов и эмиграции из послереволюционной России. Длительное время эмиграция ощущала себя только временными жителями, беженцами, часто эти люди попадали в Литву случайно. Они не имели материальных средств, верили в скорое крушение большевизма. Литву менее всего коснулись эмигрантские мифы о богатствах в швейцарских банках, наследствах европейских фамилий. Люди жили бедно, скудно. Русские могли рассчитывать только на взаимопомощь соотечественников. Международные организации помощи соотечественникам еще только формировались, но и позже они принимали самое незначительное участие в жизни русских Каунаса. Литва, только что вышедшая из Первой мировой войны, находилась в тяжелом материальном положении, и именно государству здесь пришлось взять на себя заботу о беженцах.

В европейских центрах эмиграции русские задавались экзистенциальным вопросом о том, кто они. В Каунасе же жизнь была провинциальной, и память о родине жила скорее в сердцах эмигрантов, тогда как ум задавал другие вопросы: как жить, как выжить, как учить детей? Забота о просвещении и образовании занимала русских Каунаса в самой большой мере.

Русские эмигранты-интеллигенты в Каунасе были лишены чувства самовосхваления, кичливости — они понимали реальность своего положения. Зло и обида, нанесенные им революцией, не подавили живого ощущения жизни. У русских эмигрантов, обосновавшихся в Каунасе, не было экзальтации, фанатизма, ненависти к бывшей родине. В 1932 году издаваемый в Каунасе «Русский календарь» писал: «Нам суждено быть современниками больших событий в мировой истории, видеть, как развивалась сложная и глубокая драма политической и общественной жизни Европы, наблюдать, а временами и переживать ужасы войн, разрухи и крушения больших начинаний, испытывать экономические потрясения в эти тяжелые годы, быть свидетелями и участвовать в создании и устроении новой карты Европы, но нам не дано еще видеть путей будущего, и мы беспокойно мечемся в поисках своих дорог» [6, с. 1–2]. Это мудрое понимание времени, осознание своего положения как свидетелей истории и в меньшей мере ее участников было характерно для русской интеллигенции Каунаса.

Вместе с тем русская эмиграция в Каунасе попадает в благоприятные условия. Русские люди культуры, интеллигенция, оказавшиеся в

европейских центрах эмиграции, переживали чувство растерянности и разочарования. В России они были элитой — просветителями, культурными деятелями, участниками истории. В европейских центрах эмиграции многие тяжело принимают ощущение собственной второстепенности, даже некоторой ущербности [4, с. 741]. В Литве же они сразу включились в жизнь страны. Наряду с многовековой традицией открытости литовского общества учитывались и утилитарные моменты. Так, послереволюционная русская эмиграция в основном состояла из научной, технической и гуманитарной интеллигенции. Появление русской научной интеллигенции в Литовском университете было воспринято доброжелательно. Русские инженеры участвовали в строительстве железных дорог, юристы занимались правовой деятельностью, русские офицеры помогали созданию армии независимого литовского государства. Русские врачи внесли вклад в систему современного медицинского обслуживания. Если в европейских центрах эмиграции, особенно в Берлине, браки между русскими и коренными жителями не были популярны, то в межвоенной Литве они были достаточно распространенным явлением. Это также укрепляло положение русских в Литве. Русская интеллигенция пользовалась уважением и вниманием.

Иногда эмиграция не принимала довольно однообразную и скромную русскую культурную жизнь города. Мстислав Добужинский, прибывший в Литву из Парижа, пишет своему корреспонденту: «Я очень тоскую по Парижу и все еще не могу привыкнуть к Каунасу... Провинция все же иногда очень действует на нервы! Здесь просто скучно» [9, с. 31].

В независимой Литве до кризиса 1930 года оплата труда интеллигенции была высокой, однако от научной и технической интеллигенции требовалось знание литовского языка. В Литовском университете устанавливался срок в три года для изучения преподавателем-иностранцем литовского языка. Некоторые приглашенные профессора не смогли преодолеть языкового барьера и вынуждены были покинуть Литву. Языковой ценз устанавливается в государственных и общественных учреждениях, школах. Для большей части русской эмиграции это было труднопреодолимое препятствие, хотя молодые люди справлялись с этой задачей вполне успешно. Русские юноши и девушки поступали на организованные правительством курсы литовского языка. Литовский язык изучали в русских школах и гимназии, был включен в списки предметов для подготовки к поступлению в гимназию, преподавался на курсах для взрослых.

Политическая жизнь русской эмигрантской Европы была довольно насыщенной. Различные политические силы дореволюционной Рос-

сии стремились сохранить свои идеи в новых обстоятельствах. Русские эмигранты в Литве не рвались на политические баррикады. Русские жители Каунаса заплатили самую скромную дань политическим иллюзиям. Русских политических организаций здесь было две – Демократический союз литовских граждан русской национальности и Русское эмигрантское объединение. Русское меньшинство участвовало в выборах в сейм и в органы местного самоуправления. «Участие это проявилось в виде выставления самостоятельных списков от русского населения, блокировки русских списков с другими национальными, меньшинственными и прогрессивными списками», – пишет «Русский календарь» [6, с. 1 – 2].

Русские Каунаса придерживались в основном антибольшевистской ориентации. По воспоминаниям старожилов, среди рабочих встречались сочувствующие левым силам; однако коммунистическая партия в Литве была запрещена, и ее подпольная деятельность, по официальным сведениям, в Каунасе не велась.

Приблизительно к середине 1920-х годов русский мир Каунаса обретает свои очертания. Городской быт русских был скромен, он напоминал традиционный российский уклад жизни. Русские много читали, в основном русскую и западноевропейскую классику. Как пишет известный исследователь русской литературы в Литве Павел Лавринец, «русской литературной среды в Каунасе, в отличие от Вильнюса, попросту не было» [3, с. 67]. Русские культурные деятели почти не посещали Каунас – так, Константин Бальмонт, побывавший здесь в 1930 году, общался только с литовской культурной элитой.

Общественная деятельность русских в Каунасе носила прежде всего просветительский характер. Первыми шагами по укреплению общественных основ в 1920-х годах было устройство церковной и школьной жизни. В Каунасе работу по созданию системы школьного образования возглавил известный общественный деятель межвоенного времени и директор первой русской гимназии А. И. Тыминский. Его жизнь и вклад в развитие русской общественной жизни Каунаса заслуживают самого пристального внимания. Вместе с тем это типичный путь русского интеллигента, оказавшегося вне России.

В 1920 году под руководством Тыминского была создана Ковенская русская гимназия Товарищества преподавателей. Тыминский был директором этой гимназии со дня ее основания до 1940 года (она была закрыта 1 сентября 1940 года). Перед ним и его коллегами встает сложнейшая задача создания школы нового типа. Группа педагогов организует Товарищество преподавателей (в 1926 году переименованное в Общество преподавателей). Литва межвоенного времени была

частью европейской цивилизации, однако члены Товарищества видели своей задачей не просто создание европейской школы, но защиту ее русского начала от ассимиляции. У школьных организаторов не было цели как можно быстрее интегрироваться в жизнь города и государства. Актуализируется задача «создания просветительного учреждения русской культуры» [7].

Кроме того, русская интеллигенция Каунаса тосковала по особому духу русской общественной жизни. Школа изначально виделась как центр, объединяющий различные общественные организации. Приходилось искать средства, создавать новую педагогическую систему в иноязычном, инокультурном окружении. Постепенно эти проблемы решались. Поддержка русских школьных учреждений была свидетельством демократического выбора независимого литовского государства.

Объединению русских Каунаса способствовала постройка собственного здания русской гимназии. Министерство просвещения Литвы для учреждения гимназий национальных меньшинств выделяло кредиты из государственного бюджета. Предстояло создать школу нового типа — со своей системой педагогики, вновь написанной историей, традициями. Шаг за шагом правление Товарищества выполняло задачи, поставленные учредителями гимназии. Образование, получаемое в гимназии, имело широкий профиль, а высокий профессиональный уровень преподавателей давал хорошие результаты. Выпускники гимназии поступали в Литовский университет, учились за рубежом.

Здание русской гимназии стало «русским домом» для многих русских общественных и культурных организаций. Нобелевский лауреат И. А. Бунин, посещавший Каунас в апреле 1937 года, встречался с русской общественностью и читал лекции в гимназии. Однако и он прежде всего был заинтересован в общении с литовской интеллигенцией.

Первая встреча различных представителей русских обществ произошла в конце 1925 года, в пятилетний юбилей русской гимназии. Этот праздник был назван Днем русской культуры в Литве. Новое здание гимназии дало им возможность активизировать работу. Благотворительные организации устроили ряд концертов и лекций, культурно-просветительные общества в последующие годы организовывали празднование Дня русской культуры. Учреждение в 1925 году Дня русской культуры способствовало осознанию русскими своей культурной идентичности. Этот праздник впервые заставил русского человека в Литве серьезно задуматься над своим положением и будущим.

Ощущение оторванности от русской культуры и просвещения становилось все более реальным. Осознание такого положения обязывало

к общению. Русские культурные и просветительские организации поддерживали все русские культурные начинания в других странах (День русского просвещения, День русского ребенка, помощь церквям и школам, беженцам). Все общества устраивали в зале гимназии съезды, собрания. Общество любителей изящных искусств, перебравшееся в помещение гимназии, занималось созданием русского театра. Одновременно возникали новые русские организации. В начале 1930-х годов каждое начинание носило определенно национальную направленность. К этому времени возникла угроза ассимиляции русской культуры, и общественность встревоженно заговорила о необходимости укрепления национального самосознания. Уже существующие организации, имевшие сугубо культурный характер, постепенно приобретали национальную окраску: так, Товарищество преподавателей преобразуется в Общество преподавателей русской школы, гимназия Товарищества – в русскую гимназию и т. д.

На Первом съезде русских учителей и деятелей просвещения в Литве в январе 1926 года накопившаяся потенциальная энергия получила свое выражение. Съезд собрал и сплотил воедино представителей русских общественных организаций, поставил вопрос о русских начальных школах и нуждах русской школы и русского просвещения в Литве. Обозначенные съездом задачи определили направление работы русских общественных организаций. В число этих задач входили работа по созданию русской школьной сети в Литве и объединение деятельности русских просветительных и благотворительных организаций. Вырабатывается проект интеграции всех русских культурно-просветительных и благотворительных организаций Литвы.

Вместе с тем Второй съезд русских учителей и деятелей просвещения в Литве, собравшийся в апреле 1928 года, обратил внимание русской общественности на усложнившуюся ситуацию с обучением национальных меньшинств на родном языке. Министерство просвещения 6 августа 1927 года выпустило циркуляр, в котором особо подчеркивалось: «Родители или опекуны, отдавая для обучения своих детей в начальные школы национальных меньшинств, представляют заведующему школы справки из волостного или городского управления о национальности, которые должны совпасть с имеющимися у этих лиц удостоверениями личности» [9, р. 34]. Этот циркуляр запрещал прием в начальные школы национальных меньшинств детей литовской национальности. Дети, у которых хотя бы один из родителей был литовцем, должны были обучаться только в литовской школе. Дети же меньшинств могли получать образование только в школах той нации, к которой принадлежали их родители. А если они не владели языком

своей народности, то должны были обучаться в литовской школе. Подобное постановление сужало сферу деятельности школ меньшинств, уменьшало объем государственного финансирования.

В 1920-е годы русские школы в Каунасе посещали учащиеся других национальностей — литовцы, евреи, поляки. По рассказам современников, русские женщины, вышедшие замуж за литовцев, меняли национальность на литовскую, иногда не совсем официальным путем [2]. Эмиграция подспудно сохраняла память о революционных событиях в России. В результате существовал страх потерять новую родину — он-то и заставлял принимать всевозможные меры по защите себя и своей семьи.

Печать русских объединений — «Голос литовской православной епархии» (1924 — 1940), «Вольная Литва», «Наша жизнь», «Эхо», «Наше эхо» (редактор Евгений Шкляр) и др. — информировала общество и помогала русским в проведении их начинаний. Однако постоянных печатных органов, кроме религиозных, не было. Большой популярностью среди русских и литовцев пользовалась ежедневная газета «Эхо», вышедшая в течение семи лет с 1920 года. Ее редактором был Аркадий Бухов. Большинство изданий существовало недолго.

Задачи просвещения и сохранения культуры были столь актуальными, что ими занимались не только государственные и общественные организации, отдельные энтузиасты, но и православная и старообрядческая церкви. Согласно Конституции Литвы 1922 года, церковь рассматривалась в качестве партнера государства. Епархиальные власти и приходы после Первой мировой войны постепенно налаживали церковную жизнь. Духовенство принимало участие в государственной работе, поддерживало русскую общественность, организовывало духовные чтения, концерты, лекции.

В газете «Эхо» 12 июля 1928 года вышла статья «Ко всем русским в Литве»: «Раз в год, в день рождения нашего великого поэта А. С. Пушкина, все русские люди, за рубежом празднуют "День русской культуры"». В 1937 году празднование этого дня совпало с годовщиной смерти А. С. Пушкина. Эта важная для русской культуры трагическая дата поощрила русских Литвы обратить особое внимание на культурную самобытность. В газете «Литовский вестник» были опубликованы материалы о жизни и смерти А. С. Пушкина. В память о великом русском поэте комиссия по организации Дня русской культуры разослала по православным приходам портреты и сборники избранных сочинений А. С. Пушкина. Были подготовлены материалы о пушкинских днях для приходских библиотек и для раздачи детям. В этот день собирались пожертвования и оказывалась помощь русским детям [6, с. 8]. Ос-

вещающая положение в просвещении русских Литвы в статьях, посвященных положению русских детей, пресса писала о необходимости воспитания и образования, веры в будущее и собственные силы. И все же ситуация с образованием и просвещением русских была сложной. В 1937 году русская интеллигенция трагически осознавала, что в Литве две трети русского населения неграмотны, однако русские Литвы принимают положение таким, каким оно складывалось.

Первые общественные организации возникают в Каунасе уже в 1920-е годы. Будить сознание и вызывать заботу русского населения о детях — так определяет задачи общественной работы русская интеллигенция города. Русские общины во всем мире всегда были озабочены общественными делами. Индивидуализм не был присущ и русским Каунаса. Сохраняется привычная для русского интеллигента необходимость работать на всеобщее благо. В Каунасе уже впервые годы существования молодого независимого государства создаются товарищества, комитеты взаимопомощи, общественные столовые, курсы, сиротские дома, приюты для престарелых. Идеи милосердия и общественной работы были свойственны русским Каунаса, как и всем русским объединениям за рубежом России.

Некоторые организации просуществовали очень недолго, они преобразовывались, меняли направление деятельности. В числе первых появились Демократический союз литовских граждан русской национальности, общество «Возрождение» (преобразованное впоследствии в «Общество любителей изящных искусств»), Товарищество преподавателей и др. Кроме Демократического союза литовских граждан русской национальности, имевшего национальную направленность, все остальные организации желали оставаться вне политики, не стремились к укреплению русской национальной идентичности. Эти общества чаще всего были объединены языком, иногда культурой или интересами русского населения. Еще не была осмыслена возможность утраты русского языка и культуры.

В прессе среди активных упоминаются такие общества, как Педагогическое бюро, Свято-Мариинское православное женское общество в Ковно, Объединение русских студентов Литовского университета (1927), Русское спортивное общество (1927), Свято-Никольское православное братство, Русский союз христианской молодежи. Свято-Мариинское общество образовалось в 1924 году, оно продолжало традиции подобных благотворительных обществ в дореволюционной России. Задачи у него были вполне утилитарными и обыденными: помочь, накормить, дать приют. Деятельность Свято-Мариинского общества была основана на пожертвованиях сограждан и соотечествен-

ников [6, с. 1–2]. К 1928 году в Литве насчитывалось восемнадцать культурно-просветительских организаций, постепенно выработывался проект объединения всех русских культурно-просветительных и благотворительных организаций страны.

Ряд религиозных и общественных организаций принимал участие в решении главной задачи — просвещения русского населения Литвы. Это религиозные организации Свято-Никольское православное братство, Благовещенское сестричество, Дамский кружок радетельниц о храме при Зеленогорской Свято-Андреевской церкви. Это национальная организация «Объединение граждан Литвы русской национальности», культурно-просветительские общества «Мокслас-Швиеса», «Культура и жизнь», Общество русских преподавателей, студенческие корпорации «Ruthenia», «FiliaeRutheniae», 3-й русский скаутский отряд (1922). Активное участие в жизни русских Каунаса принимали благотворительные организации. Благотворительностью занимались Мариинское женское православное благотворительное общество, Женское старообрядческое благотворительное общество, Свято-Серафимское похоронное благотворительное братство, Общество вспомоществования нуждающимся учащимся русской гимназии. Они содержали приют и богадельню, помогали нуждающимся ученикам русской гимназии.

Вместе с тем не все общественные организации приносили существенную пользу, а их деятельность иногда вызывала сомнение у современников. А.И. Тыминский пытался объяснить причины скромных результатов их трудов провинциальностью местной жизни, бедностью русского меньшинства, неорганизованностью. Однако эти объединения вносили посильный вклад в русскую жизнь.

По мере сил делом просвещения занималось восстановленное Общество любителей изящных искусств. Благодаря настойчивой и активной работе К. А. Сокольского особенно хорошо было представлено вокальное искусство. Человек высокой культуры, с большим стажем общественной, журналистской и музыкально-критической деятельности, он был организатором многих музыкально-вокальных вечеров, постановок, концертов, писал театральные рецензии в газету «Эхо». В Паневежисе, Шяуляе, Кибартае, Зарасае, Клайпеде и других городах проводились концерты русского духовного и светского хора, благотворительные и литературно-музыкальные вечера с театральными постановками. Своими хорошо подготовленными программами эти вечера привлекали широкие слои сочувствующих лиц других национальностей. Собранные средства давали возможность оказать помощь беженцам, эмигрантам, престарелым, безработным — всем, кому была нужна общественная поддержка [2].

Как проявляло себя Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), организованное в Москве в 1925 году, по отношению к русским жителям Каунаса? Деятельность ВОКС была ориентирована преимущественно на литовскую общественность, его представителем в Литве был В. Кораблев. Работа ВОКС в целом носила пропагандистский характер. Так, в 1925 году в связи с 200-летием Российской академии наук в Ленинград отправилась делегация литовских ученых — проф. М. Биржишка, проф. И. Шимкус, проф. Ю. Багдонас. Заслуги ВОКС перед русской культурой Каунаса ограничились лишь пополнением библиотеки Литовского университета русской классикой, советскими книгами и периодическими изданиями.

Русская интеллигенция Каунаса верила в осуществление целей и задач, которые она ставила перед собой в области просвещения русских Литвы. Просветитель А. И. Тыминский писал: «Но если сейчас русские еще распылены и мало организованы, это не значит, что в будущем положение останется таким же. Жизнь учит, она приведет русских к объединению и заботе о своих национальных правах, языке, культуре и вере» [1]. Русские Каунаса жили этой иллюзией.

Список литературы

1. А. Т. «День русского ребенка» в 1937 г. // Голос православной епархии. 1937. №5—6.
2. *Из воспоминаний* учеников русской гимназии // Педагогический музей г. Каунаса.
3. *Лавринец П.* Русская литература Литвы в 1918—1940 гг.: объем понятия // Русские в Литве (1918—1940): определение проблемы : сб. науч. тр. Каунас, 2001.
4. *Оболенский В. А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.
5. *Потапенко Г.* Русские Литвы в 1918—1940 гг.: государство, старообрядческая церковь, лояльность староверов // Русские в Литве (1918—1940): определение проблемы : сб. науч. тр. Каунас, 2001.
6. *Русская общественная жизнь в Литве.* Русский календарь. Каунас, 1932.
7. *Тыминский А.* Ковенская русская гимназия Общества преподавателей. 1920—1925 гг. // Педагогический музей г. Каунаса.
8. *Lasinska P. L.* Karsavino veikla Vytauto Didžiojo universitete // Darbai ir dienos. 1996. №2 (11).
9. *Šetkus B.* Tautinių mažumų mokykla Lietuvoje 1918—1940 metais. Vilnius, 2000.